

BIBLIOTEKARZ PODLASKI
1/2019 (XLII)
<https://doi.org/10.36770/bp.47>
ISSN 2544-8900 (online)
<http://bibliotekarzpodlaski.ksiaznicapodlaska.pl/>

Artur Malinowski*
Uniwersytet w Odessie, Ukraina
<https://orcid.org/0000-0001-5687-6413>

Адам Мицкевич в Одессе. Феномен пограничья

Аннотация: Пребывание Адама Мицкевича в Одессе – это веха в его биографии, которая приводит исследователей к проблемам генеалогии текстов, культурных границ и попыткам осмысления места польского поэта в империальном обществе и чуждой ментально среде. Период в биографии пророка от конца зимы до ноября 1825 года индикативен с точки зрения психологии перехода. В тогдашнем творчестве Мицкевича переживание пограничья является в разных формах и символах, в том числе в виде трепещущего мотылька или оборванного цветка, лишённого корней, несвязанного с конкретной традицией, средой, жизнью, домом в широком смысле этого слова. Феномен отдаления от фундаментов основополагающе отличается от опыта временного укрытия и сопровождающего его способа самоидентификации.

Ключевые слова: граница, переживание пограничья, код воображения.

* Artur Malinowski – doc. dr, pracownik Odeskiego Narodowego Uniwersytetu im. Ilii Miecznikowa (Ukraina). Autor m.in. artykułów: *Odessa jako strefa importu literackiego dandyzmu w pierwszej połowie XIX wieku* (2016) oraz *Amalgamatowość powieści „Muzykant” T. G. Szewczenko w rosyjskich i ukraińskich tekstach o modelowaniu przestrzeni dziedzictwa estetycznej przyjemności* (2017).

Adam Mickiewicz w Odessie. Fenomen pogranicza

Streszczenie: Pobyt Adama Mickiewicza w Odessie stanowi kamień milowy w jego biografii, prowadząc badaczy do problemów związanych z genealogią tekstów, granicą kulturową i próbami odnalezienia się polskiego poety w imperialnym społeczeństwie i obcym środowisku mentalnym. Okres w biografii wieszcza od końca zimy do listopada 1825 roku jest intrygujący z punktu widzenia psychologii przechodniości. W ówczesnej twórczości Mickiewicza doświadczenie pogranicza pojawia się w przeróżnych formach i symbolach m.in. trzepoczącej ćmy czy też oskubanego kwiatu, pozbawionego korzeni, niezwiązanego z określoną tradycją, środowiskiem, życiem, domem w szerokim tego słowa znaczeniu. Fenomen oddzielenia od fundamentów zasadniczo różni się od doświadczenia tymczasowego schronienia i towarzyszącego mu sposobu samoidentyfikacji.

Słowa-klucze: granica, doświadczenie graniczne, kod wyobraźni, antropologiczna aura, petrarchizm.

Adam Mickiewicz in Odessa. Borderland phenomenon

Summary: Mickiewicz stay in Odessa is a biographical milestone that leads us to the problems of the genealogy of texts, cultural frontier and the identity of a romantic poet in imperial society and an alien mental environment. The period from the end of winter to November 1825 is indicative from the point of view of the psychology of transitivity, fundamental instability and the sensation of flying, hovering above the commonplace. The situation of inter-threshold, above the position in a rather traditionalist society, of course, reflects the psycho-physiological status of the politically unreliable Polish poet. He peculiarly mimics and appears in unexpected guises of a fluttering moth, a plucked flower, devoid of roots, not tied to tradition, environment, life, home in the broad sense of the word. Separation from the soil is fundamentally different from the temporary shelter and the accompanying type of self-identification. He is a stranger in the Odessa space, baseless for him on several parameters, primarily political and national-cultural. The situation of a gap, with a tendency to subject-material figurative materialization, emotional experiences, is aggravated by the play

type of behavior. He consciously emphasizes his strangeness, putting on the mask of his not-his own and consistently fulfilling his intended role.

Key words: border, existential situation, imaginary code, anthropological aura, petrarchism.

Пребывание Адама Мицкевича в Одессе – биографическая веха, выводящая нас на проблемы генеалогии текстов, культурного пограничья и самоидентификации поэта-романтика в имперском социуме и чуждой ментальной среде. Так или иначе период с конца зимы до ноября 1825 года показателен с точки зрения психологии переходности, принципиальной нестабильности и ощущения полета, парения над обыденностью. Складывающаяся в творческом сознании поэта экзистенциальная ситуация *не-дома*, пребывания вне пределов установившихся пространственных форм и жизненных актов как бы выталкивает к маргинусу, порогу существования.

С точки зрения формирования в творческом сознании поэта-романтика экзистенциальной ситуации, заключающейся в ощущении полета, крыленности, легкокрылости и легковесности. Ментальная сфера попавшего волею судеб в Одессу Мицкевича лишена скреп стабильности, не укладывается в обкатанные рамки обыденности, пульсируя на границах культурных миров и существуя вне пределов привычных пространственно-временных форм. Профессор Ярослав Лавский выводит своеобразную имагологическую формулу, или имагинативный код Одессы. Для каждого из поляков, в частности, Одесса

бесспорно, является индивидуальной ценностью. Однако политическое, топографическое и историографическое воображение всегда помещает Одессу в сферу лиминального. Это город-граница, город-крепость, бастион культуры и цивилизации на границе Неведомого и... Нестабильного. И в конфедерации, и в междуморском союзе, и даже в конструкции «от моря

до моря» Одесса предстает отдаленной, пограничной, домашней, одним словом, иной. Она феномен расцвета, исходный пункт, маяк над морем Неведомого. Это Одесса трансгрессивная, место перехода от... до...¹.

Ситуация междупороговости, над и сверх позиции в довольно традиционалистском социуме, безусловно, отражает психофизиологический статус политически неблагонадежного польского поэта. Он своеобразно мимикрирует и предстает в неожиданных обличьях порхающего мотылька, сорванного цветка, лишённого корней, не привязанного к традиции, среде, быту, дому в широком смысле слова. «Lekko mi! Rzezwo! Lubo! Wiem, co to być ptakiem»². Гражина Томашевска пишет о социально-психологической нестабильности и спровоцированном ею ощущением временности пребывания в Южной Пальмире и эмоциональном комплексе мотыльковости, легкости, парения, неопределенности. Пласт текстов одесского периода целиком отражает весь этот мир чувствований. Одесский период – это остановка мотылька, поэтому «в одесских сонетах доминирует легкость экзистенции, смешанная с тонкой и шутовой чувствительностью...»³.

Ключом к прочтению цикла одесских сонетов предстает своеобразный итог, поэтическое резюме, в котором прочерчиваются демаркационные линии между девятемесечным порханием мотылька на культурно пограничной территории и нынешним состоянием опустошенности, отсутствием романтической перспективы и манящей дали. Это «Размышления в день отъезда» («Dumania w dzień odjazdu») от 29 октября 1825 года. В ситуацию прощания с городом вписан еще один путевой круг странствующего, ассоциируемый с воспоминанием о прощании с отчим домом. Этот ранний отъезд архетипизируется и наполняется стандартной топикой:

¹ J. Ławski, *Polskie mitologie Odessy*, [w:] *Odessa w literaturach słowiańskich*, red. J. Ławski, N. Maliutina, Białystok–Odessa 2016, s. 186.

² A. Mickiewicz, *Dumania w dzień odjazdu*, [w:] tenże, *Wiersze. Dzieła*, t. 1, red. Z. J. Nowak, M. Prusak, Z. Stefanowska, Cz. Zgorzelski, Warszawa 1993, s. 206-208.

³ G. Tomaszewska, *Motyli przystanek. Odessa Mickiewicza (Dumania w dzień odjazdu)*, [w:] *Odessa w literaturach słowiańskich*, dz. cyt., s. 560.

Когда-то, покидая отчую округу,
И молодых друзей, и пылкую подругу,
Я словно бы летел на рысаках крылатых,
Мелькали меж деревьев платочки провожатых;
Я плакал! Слезы льет порывистая младость...⁴

Отрыв от почвы принципиально отличен от временного пристанища и сопутствующего ему типа самоидентификации. Он чужой в беспочвенном для него одесском пространстве по нескольким параметрам, прежде всего политическим и национально-культурным. В результате подобной чуждости коммуникация «опального странника» с чрезвычайно пестрой и неоднородной одесской средой выстраивается не по конвергентному принципу, а скорее дивергентному. Ситуация разрыва, атрофии ярких, с тенденцией к предметно-вещественной образной материализации, эмоциональных переживаний, усугубляется игровым типом поведения. Он сознательно подчеркивает свою чуждость, надевая на себя маску *не-своего* и последовательно исполняя предначертанную ему роль:

Так среди улиц шумных я, пришелец странный,
Носил чужое имя, облик чужестранный...⁵

Оппозиция «свое – чужое» доводится до крайнего предела посредством обыгрывания знаково *не-своей* атрибутики, символики иного, соседствующей с беллетристически-фривольным налетом самоидентификации иностранца:

И многих дев прелестных занимал прохожий,
На местных сердцеедов чем-то непохожий⁶.

⁴ А. Мицкевич, *Размышления в день отъезда* <<http://fb2.booksgid.com/content/CC/adam-mickevich-stihotvoreniya-i-poemy/1.html>> [дата доступа: 30.09.2018].

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Априорно заданный игровой ракурс поведения иностранца дополняется такой же игровой установкой в восприятии его социумом. Несерьезное, легкомысленно-фривольное отношение к нему («Цветного мотылька поймают дети в поле, И наигравшись власть, кричат: лети на волю!»⁷) провоцирует ощущение пустоты, ненужности, осмысляемых в категории философского Ничто, стирания границ между полноценной жизнью и душевным нигилизмом. Тип дивергентного сообщения опального поэта, странника, чужака с иномирным, незнакомым, навязанным может быть интерпретирован, как пишет Марта Пивинска, не как путешествие или паломничество, но как «переход из ничего в ничто»⁸.

Пустое и бессмысленное, лишенное кровнородственных связей и симпатий не только театрально-маскарадное городское пространство, но и внутренний камерный мир собственного пристанища. Между лирическим героем и его временным домом (здесь границы дома и не-дома довольно размыты, атрофированы) не устанавливается антропоцентрической связи, они словно отторгаются друг от друга. Скорее всего это пространство анти-Дома с вывернутым наизнанку ощущением экзистенциальной сопричастности сокрывающему от глаз людских домашнему.

Я снова возвращаюсь в стылые покои
И одичалым взором, смутный и смятенный,
Прощально озираю дружеские стены;
Они глухою ночью и в часы рассвета
Внимали терпеливо горестям поэта⁹.

Восприятие пространства не фокусируется на конкретных объектах, а как бы скользит, следуя инерции, машинальному созерцанию. Именно поэтому оно чуждо:

⁷ Тамże.

⁸ M. Piwińska, *Wolny myśliwy. Osiem prób Mickiewicza*, Gdańsk 2003, s. 97.

⁹ А. Мицкевич, *Размышления в день отъезда* (<http://fb2.booksgid.com/content/CC/adam-mickevich-stihotvoreniya-i-poemy/1.html>) [дата доступа: 30.09.2018].

Я подхожу к окошку, где стоял подолгу,
 Высматривая что-то тщетно и безтолку,
 И отхожу, прискучив зрелищем проулка,
 И эхо в целом доме отдается гулко;
 Я двери отворяю и снова затворяю,
 И с маятником мерным шаги свои сверяю...¹⁰

Физические движения героя монотонны, в них отсутствует фокус, определенный угол зрения. Наскучившая однообразная картина скорее аллюзия городской физиологии с децентрированным и рассеянным вниманием «блуждающей пристальности», поверхностно скользящего взгляда. Такая позиция усиливает степень чуждости и закрепляет героя в рамках Ничто, обезличивает его в пограничном «вынужденном» пространстве ссылки. С точки зрения творческой продуктивности, поэтической зрелости одесский период оценивается как кризис, стагнация, остановка в романтически-целостно-неделимом полете. Такой и видится Г. Томашевской политическая ссылка Мицкевича:

Patrząc na *Dumania w dzień odjazdu* z powyższej perspektywy, zobaczylibyśmy w wierszu przede wszystkim przemieszany z pychą początek projektu tłumaczenia się z powodu „obniżenia” lotu, jakim podsumowuje się czas odesski. A jednak wierszowe „nie zniżajmy lotu” zda się mieć też inną, egzystencjalną wymowę, wolną od rodzajowego „studium”, zgodnie z którym to obcy miastu zesłaniec żegna się z nim, zaznaczając własną odrębność i moralną wyższość¹¹.

Пребывание в Одессе выпадает из причинно-следственной детерминации личностно-творческого становления польского романтика. Эта вежа, согласно поэту, не оставит ничего в его памяти и никак не отразится на его будущем. Прощание с Одессой выглядит своего рода инвективой, исполненной глубокого скепсиса и разочарования:

¹⁰ Тамże.

¹¹ G. Tomaszewska, dz.cyt., s. 563.

Прощай, город чуждый...¹²

В чем же причина подобной собственной оценки жизни в Одессе? Почему между данным текстом, реальной жизнью в довольно комфортном южном городе и созданным в этот период циклом сонетов наблюдаются значительные структурные сдвиги и даже противоречия?

Попад в Одессу в статусе ссыльного по делу филوماتов, Мицкевич оказывается в положении неоднозначном. Формирование его антропологической ауры происходит с учетом множества составляющих. С одной стороны, будучи политически неблагонадежным, он был скован в своих действиях. Однако, и благодаря рекомендательным письмам Кондратия Рылеева и Петра Вяземского, и волею судеб Мицкевич оказывается частью светско-дендистской среды со своими жизненными сценариями и поведенческими ролями. Польский романтик имел все шансы играть роль да и в действительности стать баловнем судьбы, будучи любимцем высокопоставленных дам. Более того, круг Василия Туманского как типичного денди с романтизированной-беллетризованным ореолом как нельзя более этому способствовал. Пушкинская оценка этого поэта второго ряда целиком укладывается в рамки дендистского дескриптива со всеми его необходимыми атрибутами:

Одессу звучными стихами
Наш друг Туманский описал...
Приехав, он прямым поэтом
Пошел бродить с своим лорнетом...¹³

Пушкин довольно проницательно уловил его дендистскую составляющую. Корреспонденция Туманского отражает пристально аналитический взгляд на одесский социум, нравы и устои. Это обзор извне, со стороны, в нем устанавливается угол зрения, оптика видения. Речь идет об эклектической природе дендизма в зоне заметного

¹² А. Мицкевич, *Размышления в день отъезда* < <http://fb2.booksgid.com/content/CC/adam-mickevich-stihotvoreniya-i-poemy/1.html> > [дата доступа: 30.09.2018].

¹³ А. С. Пушкин, *Собр. сочин. в 10-томах*, Москва 1975, s. 221.

пересечения традиций, культурных перекрестков и органического переплетения периферийных и ядерных семиотических структур. Одесское общество

составлено из каких-то отдельных лоскутков, чрезвычайно пестро, и потому не представляется возможности скучать человеку просвещенному и наблюдательному... тон сего общества не хорош в том значении, в каком понимают это слово в столицах... здесь нет особенных правил для обращения в свете; некоторых условных разговоров и даже условных наслаждений, примени которых находит уже зевота... Следовательно, каждый поступает по-своему, говорит по-своему, не принуждая себя к строгому порядку столичных гостиных¹⁴.

Аура и церемониал межличностной коммуникации со слов пребывающего на службе в Одессе Туманского большей мере (по сравнению с Петербургом) располагают к индивидуальному раскрытию себя, а не принудительному следованию сценарию со строгим соответствием ему социальной и поведенческой роли. Денди импонирует именно свобода телесного и духовного волеизъявления, а не диктат общественных условностей. Об амбивалентности его психологии, парадоксально связанной с модой, унифицированными жестами и прочими мимикрирующими стратегиями, мы пока речь не ведем. Дендистской свободе и непринужденности способствует и некая диффузность поведения, размытость границ между антропологическими сферами: «В Одессе – тон вообще дурной – Одесса соединяет всю надутость и безнравственность столиц со всеми мелкими заботами и невежественными сплетнями уездных городов»¹⁵.

Разумеется, оказавшийся к кругу второразрядного дендистски настроенного поэта и в пестрой одесской среде Мицкевич внешне как бы стал частью этого мира. Все необходимые реквизиты налицо.

¹⁴ Литературные и краеведческие источники, мемуары, дневники, письма 1794–1850 годов об Одессе первой половины XIX века, s. 116

¹⁵ Tamże, s. 117.

В Одессе был он юношей, желанным дамами большого света, чарующим поэтом и любимцем одесских женщин. Был «ссылным» под надзором полиции и погружающимся в комфорт романтическим путешественником. Жил как «паша турецкий». Амбивалентность его статуса определяется тем, что он «вынужден был выезжать из Одессы наполненный жизнью и внутренне мертвый, ощущая себя как труп в «чужом месте»¹⁶.

Юлиуш Словацкий в поэтически эпатажной форме объяснил состояние предельной опустошенности Мицкевича его распутством и одолевшей ленью как следствием того, что «kurwy odeskie zmieniały w grafinie»¹⁷. Безусловно, город-пассионарий встретил польского романтика взаимонаправленными энергетическими потоками: максимально отдавшись салонной жизни, стихии фривольности, оставив на время дело гражданского служения, творчески и эмоционально истощив себя до нулевой степени, он одновременно аккумулировал потенциал будущих вещей, эталонов национального романтизма и национальной идеи.

Амбивалентность собственного положения опять-таки осознается в связи с мотыльковой образностью. Подобно привлекательному «цветному мотыльку», с которым поиграли и отпустили на волю, чувствует себя и герой прощального пассажа:

Летим же! Коли перья сберегли для лета:

Летим! И поклянемся не снижать полета!¹⁸

Пассионарность Одессы, принявшей, поглотившей и позднее отторгнувшей Мицкевича, в том, что этот город не только смог продемонстрировать прелести и шарм светскости, но и стать своеобразным ориентиром или даже мерилom последующей оценки Петербурга как антипространства, несвободного, геометрически спланированного, насильственно возведенного. Таким он предстает в III части «Дзядов», написанных позднее.

¹⁶ J. Ławski, dz. cyt., s. 196.

¹⁷ J. Słowacki, *Wiersze. Nowe wydanie krytyczne*, opr. J. Brzozowski, Z. Przychodniak, Poznań 2005.

¹⁸ А. Мицкевич, *Размышления в день отъезда*, dz. cyt.

Очевидно, целесообразно вести речь о генеалогии сконструированного отчасти по имеющимся шаблонам петербургского мифа Мицкевича и поэтической фиксации впечатлений об Одессе. Разумеется, текстуально эта связь не устанавливается, речь скорее может идти о типологии подходов к одесскому (а вместе с ним и крымскому) как пространству свободы, временного отдохновения, комфортного общения и партикулярной коммуникации, жестко регламентированной имперской идеологией и мифом о насильственно-волевом основании Петербурга. И конечно же, на оппозицию южного – северного, провинциального – столичного накладываются историософские идеологемы, с особым тщанием внедряемые в «Дзядох». Это прежде всего экскурсы в историю филоматов, прочитывающуюся в евангельском контексте как история убийства невинных и последующих мук Спасителя. История Польши рассматривается в оптике провиденциализма с учетом мессианского смысла национальной истории. Именно эти акценты, как нам представляется, послужили отправной точкой системной обширной инвективы в адрес удушающего российского царизма. Помещенный внутри «Дзядов» петербургский субцикл из 7 текстов так или иначе прочитывается как антитеза одесскому и крымскому сонетным циклам. Однако их глубинная связь прослеживается на уровне формирования антропологической ауры поэта, его художественной и гражданской зрелости, становления поэта-бунтаря, борца за независимость Польши с ее особой консолидирующей ролью. Креативный потенциал Одессы в этом процессе отмечает Ярослав Лавский: Мицкевич оказывается и в лоне южной благодати, романтического томления как эмоционально-психологических реквизитов денди, обратной стороной которых является духовно-интеллектуальный расцвет, бунтарский пафос целой плеяды польских поэтов.

...nasyćwszy swymi luksusami Mickiewicza, Odessa wydała okrutnego, „nie-wdzięcznego” przywódcę podbitego narodu¹⁹.

Разумеется, Мицкевич периода «Конрада Валленрода», «Дзядов» и «Пана Тадеуша» – это предмет отдельного исследования. Нас же ин-

¹⁹ J. Ławski, dz. cyt., s. 197.

тересует тот фундамент, пограничный хронотоп, амбивалентный статус, обусловленный маргинальными рамками существования в чужом пространстве.

Dla Mickiewicza cały okres rosyjski pozostanie doświadczeniem dwuznacznym, tu rozkwitł jako mężczyzna i podziwiany poeta, nabrał wielkoświatego szlif, zaprzyjaźnił się z elitą rosyjską. I tu otarł o zdradę. Gdy jego koledzy błękali się po stepach kazachskich, on zwiedzał Krym. Tę ambiwalencję zapisują sonety odeskie, które opiewając salonową miłość (także w fizycznym wymiarze), kończą brutalnym zerwaniem ze światem ulotnych miłostek (sonet *Ekskuza*)²⁰.

Психоэмоциональное состояние Мицкевича в южный период определяет срединное нахождение между космической пустотой и экзистенциальной легкостью (między kosmiczną pustką i lekkością egzystencji).

Подобное состояние и обусловило некий космологос, трансценденцию и натурфилософию одесских и крымских сонетов. Водораздел между одесскими любовно-эротическими и крымскими натурфилософскими сонетами весьма условен, границы между двумя циклами смыкаются в следовании петраркизму как авторитетной традиции, канону, в котором более явными становятся взаимоотношения литературной игры, смакования образов великого предшественника и собственной поэзией. Мицкевич одесско-крымского периода, внешне не противореча имперской идеологии и даже мимикрируя под модными масками в чуждый для него социум, смог создать довольно герметичный, существующий по имманентным эстетическим законам мир. Он строится главным образом на куртуазной модели поведения, охватывающей сферы любви, дружбы, светско-церемониального этикета. Ориентация на итальянский сонет и на тексты Петрарки подтверждаются титулами и субтитулами к циклу. В эпитафиях и названиях некоторых сонетов прямая, вплоть до воспроизведения словесных формул и клише, связь с текстами Франческо Петрарки. Предваряющие цикл слова *Когда отчасти был другим, чем ныне, человеком* настраивают читателя на конвергентный тип межроле-

²⁰ Tamże, s. 196.

вой коммуникации, то есть попытку установить с основным адресатом – возлюбленной – отношения гармонии, эмоциональной солидарности даже на расстоянии:

И тайно, без надежд, любить мне суждено,
Пускай другому жизнь отдаст тебя всецело,
Душа твоя – с моей обручена давно²¹.

Благородное служение Прекрасной Даме, обожествление ее образа – это часть идеологии Средневековья, начинающей на позднем этапе пропитываться мощным эротическим субстратом. Йохан Хейзинга весьма точно формулирует куртуазный идеал эпохи:

Возникает эротическая форма мышления с избыточным этическим содержанием, при том что связь с естественной любовью к женщине несколько не нарушается. Именно из чувственной любви к женщине проистекало благородное служение даме, не притязающее на осуществление своих желаний. Любовь стала полем, на котором можно было взращивать всевозможные эстетические и нравственные совершенства²².

Этот типично куртуазный подход к интерпретации любовно-эротических ламентаций и даже окрашенных в инвективные тона эмоций держит в напряжении весь цикл. Не только в программном сонете «К Лауре», но и не менее знаковом со специальной авторской пометой «Из Петрарки» «Благословении» ощутима игривая пасторальная образность. Она кентаврически связана как с психологией фривольности, так и с религиозно-философским дискурсом эпохи Средневековья и Ренессанса.

Włogostawione oczki blasku i wesela,
Skąd amerek wygląda i łuczek napina,

²¹ А. Мицкевич, *Размышления в день отъезда*, dz. cyt.

²² Й. Хейзинга, *Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах*, Москва 1995, s. 113.

Artur Malinowski, *Adam Mickiewicz w Odessie. Fenomen pogranicza*

Błogosławiony łuczek, strzałki i chłopczyzna,
Co do mnie wówczas strzelił, ach! I dotąd strzela²³.

Перечисленные микрообразы при всем том, что являются клишированными, выполняют свою роль как нельзя лучше особенно в связи с контекстом эпохи. Одной из визитных карточек эпохи была, как писал Хейзинга, «Библия эротической культуры» – «Роман о розе»²⁴. Сквозь призму этого текста прочитываются и цветочные мотивы сонетов Мицкевича. Проясняется не только неоплатонистский характер любви лирического героя к абстрактному адресату, воплощенному в собирательном образе Лауры, но и страсть как таковая, телесно-эротическая окрашенность романов с одесскими женщинами.

Безусловно, куртуазно-эротический контекст в одесском лирическом цикле заслуживает более пристального внимания. В нашем исследовании он является фоном для конструирования имаготипа поляка в Одессе, определяемого рамками культурного пограничья, пороговости существования и ментальной трансгрессии. Южный период жизни и творчества польского романтика – это время перманентных изменений, ведущих к специфическим формам социально-ролевого поведения, мимикрии и последующей зрелости. Ситуация *не-дома* обретает мощный пассионарный потенциал, вылившись впоследствии в создание эпических шедевров...

Literatura

Mickiewicz A., *Dumania w dzień odjazdu*, [w:] *Wiersze. Dzieła*, t. 1, red. Z. J. Nowak, M. Prussak, Z. Stefanowska, Cz. Zgorzelski, Warszawa 1993, s. 206-208.

Odessa w literaturach słowiańskich, red. J. Ławski, N. Maliutina, Białystok-Odessa 2016, 1022 s.

²³ A. Mickiewicz, *Dumania w dzień odjazdu*, dz. cyt., s. 241.

²⁴ Й. Хейзинга, *Осень средневековья...*, dz. cyt., s. 113.

Piwińska M., *Wolny myśliwy. Osiem prób Mickiewicza*, Gdańsk 2003.

Słowacki J., *Wiersze. Nowe wydanie krytyczne*, opr. J. Brzozowski, Z. Przychodniak, Poznań 2005.

Литературные и краеведческие источники, мемуары, дневники, письма 1794–1850 годов об Одессе первой половины XIX века, ss. 170.

Мицкевич А., *Размышления в день отъезда*, <<http://fb2.booksgid.com/content/CC/adam-mickevich-stihotvoreniya-i-poemy/1.html>> [дата доступа: 30.09.2018].

Пушкин А. С., *Собр. сочин. в 10-томах*, Москва 1975, s. 221.

Хейзинга Й., *Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах*, Москва 1995. 416 ss.

Bibliografia

Chiejzinga J., *Osien' sriedniewiekowja. Issledowanije form żyzniennogo układa i form myszlenija w CHIV i XV wiekach Wofrancyi i Nidierlandach*, Moskwa 1995. 416 ss.

Litieraturnyje i krajewiedczeskije istoczniki, miemuary, dniwniki, pis'ma 1794–1850 godow ob Odiessie pierwoj połowiny CHICH wieka, 170 ss.

Mickiewicz A., *Dumania w dzień odjazdu*, [w:] *Wiersze. Dzieła*, t. 1, red. Z. J. Nowak, M. Prussak, Z. Stefanowska, Cz. Zgorzelski, Warszawa 1993, s. 206-208.

Mickiewicz A., *Razmyszlenija w dien' otjezda*, <http://fb2.booksgid.com/content/CC/adam-mickevich-stihotvoreniya-i-poemy/1.html>.

Odessa w literaturach słowiańskich, red. J. Ławski i N. Maliutina, Białystok–Odessa 2016, 1022 ss.

Piwińska M., *Wolny myśliwy. Osiem prób Mickiewicza*, Gdańsk 2003.

Puszkin A., *Sobr. soczin. w 10-tomach*, Moskwa 1975, s. 221.